

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СТОЛИЦ

И.Ю. Окунев

Россман В. Столицы: их многообразие, закономерность развития и перемещения. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013.

Бывают книги, которые, как камертон, задают ритм дыханию целого поколения ученых, подводят черту под всем сказанным до них и открывают горизонт новым изысканиям и творениям. Армия старателей идет за автором таких книг, чтобы промыть каждую песчинку сказанных им слов, отполировать каждую его идею. После такой книги хочется открыть лабораторию, поставить курс, одним словом, встать в ряд золотодобытчиков.

Такой видится мне будущее книги Вадима Россмана про столицы, вышедшей только что в Институте Гайдара. Чтобы написать глобальную книгу, он объездил весь свет, получил всевозможные степени в самых престижных университетах, испробовал себя в преподавании, исследовании и консультировании во всех концах компаса — но теперь перечислять все маститые названия не нужно, не они делятся славой с автором, а он отдает им дань строчкой в своей книге.

Столицам посвящено бездонное количество литературы — от урбанистики до географии, от истории до политологии. Однако широта и пестрота объекта исследования до сих пор не давали возможность уйти от перечислений дат и цифр, примеров и исключений — книга Россмана делает шаг назад, обзревает весь этот массив фактов холодным

пристальным взглядом ученого, вырывая только самое важное и, главное, выстраивая по кирпичикам школу исследований о столицах, собирая россыпь и подходов к концептуализации и типологии данного понятия, и ключевых опытов их перемещений.

Нормативный подход к такому элементу политической карты мира, как столицы, уже сыграл плохую шутку с российским политическим дискурсом. Если понимать столицу только как место размещения органов власти, то, оказывается, перенести столицу совсем просто: указом, строчкой в бюджете, маршрутной квитанцией. Россман подводит черту под этим ханжеством: номинация столицы сродни написанию героического эпоса — это процесс познания нацией самой себя, эссенция представлений народа о его прошлом, геополитическом позиционировании и образе желаемого завтра. Столица оказывается символом репрезентации нации. Под Москвой в 41-м советские дивизии сражались не за место расположения органов власти, но за саму Россию.

Но политический процесс немолчим — старые формы наполняются новым содержанием. В оковах иерархического (почти кастового) мира с традиционной легитимностью рождается идея о равенстве и социальной справедливости, накатывающая волнами на стройные ряды старых политических институтов и подчиняющая своей воле политические процессы. Английские переселенческие колонии дают нам но-

вый тип столиц, который Умберто Эко назовет «мягким» — небольших административных городов, в которых разорвана роковая связь власти с собственностью. Так рождаются новые нации с иными идеалами о роли политического в их обществе: Вашингтон, Оттава, Канберра, Претория. Старые европейские нации не готовы к прыти молодежи, но вынуждены дышать тем же воздухом: столичность начинается растворяться во множественности административных центров или этажах федеративного (или децентрализованного) устройства наций.

Болезненный дискурс о российской столице завел нас в дремучий лес: решение, оказалось, нужно искать не в исторически безупречных или географиче-

ски выверенных точках на карте родины. Ответ на будущее российской столицы оказался скрыт в нашем создании: пока мы рассчитываем свой жизненный успех как зависимую переменную от расстояния между нами и властью, все в стране будет стекать по иерархической лестнице в центр, губя многообразие страны. Но если эту пуповину можно разрезать, то децентрализация сможет дифференцировать и наш миф о самих себе. Россию нельзя мыслить с одной столицей-гегемоном, здесь должно быть место и историческим столицам, и региональным, и отраслевым, и даже шуточным.

Теперь у нас есть путеводитель в этом непростом путешествии — книга Вадима Россмана.